

Ирина Роднянская

О книге Веры Зубаревой «Одесский трамвайчик»

На мой взгляд, «Одесский трамвайчик» – не только *этапная* лирико-эпическая книга в обширном поэтическом хозяйстве Веры Зубаревой, но и яркая событийная точка на панораме современной русской поэзии. Я искренне считаю, что эта книга не «одна из», а стереоскопический портрет лирической и отчасти лиро-эпической поэзии Веры.

Название книги – принципиально точное и вместе с тем не лишенное намеренного лукавства. Точное – поскольку «гений места» витает над всем разноликим содержимым собрания стихов, сколь бы далеко оно ни отклонялось от привязки к «родному пепелищу» автора-одессита. А своим уменьшительным суффиксом оно указывает на не иссякнувший, несмотря на современную боль Одессы, юмор ее насельников, генетически унаследованный сочинителем таких вещей, как поэма «Собакиада» или как множество каламбурных импровизаций, вкрапленных в стиховую речь. «Лукавство» же состоит в том, что в укромно-миниатюрные вагоны этого «трамвайчика» вмещена вся Вселенная с небесными и земными стихиями, со светилами дня и ночи и календарным вращением Земли вокруг Солнца, с атмосферическими навеваниями, и в особенности – «всех вестей первопричиной» – ветром, который доносит жизненные сдвиги до напряженного слуха поэта, почти мистически балансирующего между явью и сном.

Смысловый диапазон поэта простирается от запечатленных лирических мгновений и штриховых зарисовок (вступительный раздел «Дворик», но не только) до постижений космического масштаба, какова композиция «Море», достойно пополняющая мир созерцательно-философской лирики наших классиков двух минувших веков.

Вместе с тем подчеркну актуальность и силу трагического звука, мерно нарастающего к финалу, что позволяет определить «Одесский трамвайчик» еще и как «книгу памяти». Перед нами город, навсегда опаленный ужасом 2 мая, и вместе с тем «Город неопалимый», символически явленная икона Неопалимой Купины. Прежней Одессы нет, но есть вечная, а значит – и будущая Одесса: эпитафия и гимн надежды одновременно. Здесь нельзя не выделить реквием «Свеча»; это надгробие погибшим в майском кошмаре земляки автора вывешивали на стенах разброшюрованными листками – редкий ныне пример непосредственного воздействия не однодневной, а глубокой поэзии на гражданскую жизнь.

В прозаическом приложении к стихам (включающем и ценные комментарии к ним) автор сочувственно цитирует одесского краеведа: «Одесса – экспериментальный город». Поэтическую речь Веры Зубаревой тоже можно назвать экспериментальной по дерзости и разнообразию ее «технологии», притом, что собственно экспериментальные задачи нигде не ставятся, а в цене пронзительная доходчивость выражения. Автор равно чувствует себя дома и в регулярном, и в акцентном, и в свободном нерифмованном стихе. Ее ассонансная рифмовка, под-сказанная уникальным артикуляционным чутьем, настолько изобретательна, что просится в учебники по стиховедению. Ей доступны интонации из всех сфер стихотворчества русского XX века. Тут и Блок («Черное море. Черное небо»), и Маяковский («Город бормочет – на языке отцов / слова, / которыми / выложены / мостовые»), и имажинисты («облако заколыхалось в пасти сумерек куском застрявшего неба»), и балладность Тихонова и Багрицкого (в 8-й главке замечательного «Реквиема по снегу»), и «новый слог, торжественный, не мой», а сближающийся с поздней Беллой Ахмадулиной (в «Море»). И все это – не застрявшие в памяти образно-интонационные цитаты. Вполне неподражательный поэт все это наново сам открывает для себя, для собственных чувств и целей, в потенциальном богатстве приемов отечественного стихотворства.

Выдающаяся книга стихов Веры Зубаревой «Одесский трамвайчик» заслуживает самого пристального внимания ценителей поэзии.